

Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

Черубина де Габриак: Вы приподняли только край моей вуали

(История одной литературной мистификации)

*«...Эти руки, как гибкие грозди,
Все сияют в камнях дорогих.
Но оставили острые гвозди
Чуть заметные знаки на них...»
Черубина де Габриак*

Эти стихи взяты из книги:

Черубина де Габриак. Исповедь / Сост. Купченко В. П., Ланда М. С., Репина И. А. -М.: Аграф,1999.- 384 с.,

где впервые в полном объеме представлено поэтическое наследие поэтессы Серебряного века, а также ее переводы и пьесы.

Книга знакомит читателя с жизнью и творчеством Елизаветы Ивановны Дмитриевой (Васильевой) (1887-1928), известной больше под звучным псевдонимом Черубины де Габриак.

...Черубина де Габриак - имя, связанное с самой блистательной мистификацией начала XX века. Таинственная красавица Черубина де Габриак присылала в редакцию журнала «Аполлон» стихи, полные очарования и неженской силы. В образ незнакомки влюбились все, и особенно редактор «Аполлона» **Сергей Маковский**.

Вот что писал в те годы **Максимилиан Волошин**:

«Когда-то феи собирались вокруг новорожденных принцесс и каждая клала в колыбель свои дары, которые были, в сущности, не больше чем пожеланиями. Мы - критики - тоже собираемся над колыбелями новорожденных поэтов. Но чаще мы любим играть роль злых фей и пророчить о том мгновении, когда их талант уколется о веретено и погрузится в сон. А слова наши имеют реальную силу. Что скажем о поэте - тому и поверят. Что процитируем из стихов его - то и запомнят. Осторожнее и бережнее надо быть с новорожденными.

Крест на белом перекрестке
Сказочных дорог.
Рассыпает иней блески
У Христовых ног.
Смотрит ласково Распятый
На сугроб, где белый Пан
Лижет, грустный и мохнатый,
Язвы Божьих ран.

Сейчас мы стоим над колыбелью нового поэта. Это подкидыш в русской поэзии. Ивовая корзина была неизвестно, кем оставлена в портике Аполлона. Младенец запеленут в белье из тонкого батиста с вышитыми гладью гербами, на которых девиз: «Sin miedo» (Без страха (исп.)). У его изголовья положена веточка вереска, посвященного Сатурну, и пучок «capillaires» (Трубочек (фр.)), называемых «Венерины слезки». На записке с черным обрезом написаны остроконечным и быстрым женским почерком

слова: «*Cherubina de Gabriack. 1877. Catholique*» (Черубина де Габриак. Родилась в 1877 г. Католического вероисповедания (фр.)»

... После скандала в «Апполоне» поэтесса была незаслуженно забыта. Ее стихи почти не публиковались при жизни...

Что же произошло? Кто была на самом деле Черубина де Габриак? Какой дар мучил ее всю жизнь?

19 мая 2011 года в литературном клубе «Прикосновение» состоялось литературное расследование «**Миф и судьба Черубины де Габриак**», которое подготовила тольяттинская поэтесса **Людмила Ивановна Киселева**. Взяв за основу содержание библиотечной книги, читатели прикоснулись к новому для них поэтическому имени и вместе с составителями книги попытались вернуть в русскую литературу забытую страницу.

Итак...

Детство Лили

Читаем автобиографию Елизаветы Дмитриевой:

«Мое детство все связано с Медным всадником, Сфинксами на Неве и Казанским собором. Я росла одна, потому что я младшая и потому что до 16 лет я была всегда больна мучительными болезнями, месяцами державшими меня в забытьи. Мое первое воспоминанье в жизни: возвращенье к жизни после многочасового обморока - наклоненное лицо мамы с янтарными глазами и колокольный звон. Мне было 7 лет. Все, что было до 7 лет, - я забыла. На дворе - август с желтыми листьями и красными яблоками. Какое сладостное чувство земной неволи!

А потом долгие годы... А когда встала, то почти не могла ходить (и с тех пор немного хромаю) и долго лежала у камина, а моя сестра читала мне сказку Андерсена про Морскую Царевну, которой тоже было больно ступать. И с тех пор, когда я иду и мне больно, я всегда невольно думаю о Морской Царевне и радуюсь, что я не немая. Люди, которых воспитывали болезни, они совсем иные, совсем особенные.

Мне кажется, что в 16—17 лет я знала больше и вернее. ...И вот сейчас я ничего не знаю, но только что-то слышу, и верю в то, что слышу, а им всем кажется, что у меня открытые глаза.

И мне хочется, чтобы кто-нибудь стал моим зеркалом и показал меня мне самой хоть на одно мгновенье. Мне тяжело нести свою душу.

В детстве я больше всего любила сказки Кота-Мурлыки, особенно «Милу и Нолли»; я уже давно не читала их, но трепет до сих пор! А потом полюбила Гофмана.

В детстве, лет 14-15, я мечтала стать святой и радовалась тому, что я больна темным, неведомым недугом и близка к смерти. Я целых 10 месяцев была погружена во мрак, я была слепой, мне было 9 лет. Я совсем не боялась и не боюсь смерти, я 7-и лет хотела умереть, чтобы посмотреть Бога и Дьявола. И это осталось до сих пор. Тот мир для меня бесконечно привлекателен. Мне кажется, что вся ложь моей жизни превратится в правду, и там, оттуда, я сумею любить так, как хочу.

Но я хочу задолго знать о том, что мне предстоит радость этого перехода, готовиться к нему... А мне грозит мгновенная и неожиданная смерть».

Лилия была хрома от рождения и с детства привыкла считать себя уродом. В детстве от всех ее игрушек отламывалась одна нога, так как ее брат и сестра говорили: «Раз ты сама хромая, у тебя должны быть хромые игрушки».

Из воспоминаний Е. И. Дмитриевой о своем брате:

«Брат был очень странный и необыкновенный. Он рассказывал мне страшные истории из Эдгара По и за это заставлял меня выпрыгивать из слухового окна сеновала. Это было очень высоко и страшно, но я все-таки прыгала. Сестра тоже рассказывала, но всякий раз, когда рассказывала, разбивала мне куклу, чтобы ничего не делалось даром.

Мы иногда приносили в жертву игрушки, бросая их в огонь. Однажды принесли в жертву щенка, он завизжал, прибежали старшие и его освободили. Однажды мы бросили в воду мамин браслет и потом сами с плачем рассказывали о случившемся.

Однажды, недели на две, брат стал «христианином». Они со школьным товарищем решили «бить жидов» и вырезать у них на лице крест. Поймали мальчика еврея и вырезали у него на щеке крест, но убить не успели.

Когда брату было 10 лет, он убежал в Америку. Украл у отца денег и написал ему письмо: «Я беру эти деньги с тем, чтобы вернуть их через два года. Если ты честный человек, то никому не скажешь». Он доехал до Новгорода, учился сапожному ремеслу и ходил в полицию спрашивать: нельзя ли там купить фальшивый паспорт. Когда его вернули в Петербург, то домашние оставили его в покое, ни о чем не расспрашивали и не упрекали.

Когда мне было 10 лет, брат взял с меня расписку, что шестнадцати лет я выйду замуж и что у меня будет 24 человека детей, которых я буду отдавать ему, а он будет их мучить и убивать. Тоня, сестра, сказала: «А если никто не возьмет ее замуж?» - «Тогда я найду человека, который совершил преступление, и под угрозой выдать его заставлю на ней жениться».

Лет до пяти Лизу одевали, как мальчика, в брюки и курточку. Брат посылал ее на дорогу и заставлял просить милостыню, говоря: «Подайте дворянину!» Деньги потом отбирал, бросал в воду и говорил, что стыдно тратить милостыню на себя.

Брат страдал нервными припадками. Когда дети оставались одни, без старших в квартире, он, чувствуя приближение припадка, ложился на диван и заставлял Лизу смотреть на него. Это, по его мнению, укрепляло нервы. Сестра должна была давать ему капли. Однажды, наливая, Лиза так испугалась, что вылила ему всё в глаза, так что потом капель не было.

Он сам нюхал эфир и давал ей. Ей тогда становилось страшно и приятно, и она ложилась где-нибудь на пол.

Когда, недели через две, взрослые вернулись, брат ходил по квартире и резал какие-то невидимые нити. Его отправили на несколько месяцев в больницу. Лиза тоже вскоре заболела дифтеритом, после которого год была слепая. Тогда она и утратила воспоминание о предыдущей жизни, которые у нее в раннем детстве были отчетливы и яркие.

Когда брату было 16 лет, Лиза, войдя в его комнату, застала его плачущим. Она была потрясена, так как раньше с ним никогда этого не было. Когда она спросила, что с ним, он ответил: «Я чувствую, что глупею». С тех пор он очень изменился.

С чего все началось...

Летом 1909 года Лиля Дмитриева (так называли Елизавету Дмитриеву близкие) жила в Коктебеле. Она в те времена была студенткой Университета, ученицей Александра Веселовского, и изучала старофранцузскую и староиспанскую литературу.

Вот как она сама вспоминает тот период в своей «Исповеди»:

«В мае мы вместе поехали в Коктебель. Все путешествие туда я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе (с Н. Гумилевым) у окна вагона. Я звала его «Гумми», не любила имени «Николай», - а он меня, как зовут дома меня, «Лиля» - «имя похоже на серебряный колокольчик», так говорил он.

В Коктебеле все изменилось. Была одна черта, которую я очень не любила в Николае Степановиче - его неблагоприятное отношение к чужому творчеству, он всегда бранил, над всеми смеялся, - а мне хотелось, чтобы он тогда уже был «отважным корсаром», но тогда он еще не был таким. Он писал тогда «Капитанов» - они посвящались мне. Но он ненавидел Максимилиана Александровича (прим.: Волошина).

...Мне это было больно очень. Я узнала, что М. А. любит меня, любит уже давно, - к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего.

Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву - я буду тебя презирать». - Выбор уже был сделан, но Н. С. все же оставался для меня какой-то благоуханной, алой гвоздикой. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н. С. уехать, не сказав ему ничего. Он считал это за каприз, но уехал, а я до осени (сент.) жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина».

Создание легенды

В 1909 году создавалась редакция литературного журнала «Аполлона», первый номер которого вышел в октябре-ноябре. С.К. Маковский, редактор журнала, «Рара Мако», как его называли близкие, был чрезвычайно аристократичен и элегантен.

Он всерьез думал, не ввести ли такого правила, чтоб сотрудники являлись в редакцию «Аполлона» не иначе как в смокингах. В редакции, конечно, должны были быть дамы, и Рара Мако прочил балерин из петербургского кордебалета.

Лиля - скромная, не элегантная и хромая, удовлетворить его запросов, конечно, не могла, и стихи ее были в редакции отвергнуты.

Тогда Лиля и Волошин решили изобрести псевдоним и послать ее стихи письмом. Письмо было написано достаточно утонченным слогом на французском языке, а для псевдонима они взяли наудачу «черта Габриака», взяв имя, данное найденной на берегу моря коряге и прозванной чертом Габриахом. Для аристократичности черт обозначил свое имя первой буквой, в фамилии изменил на французский лад окончание и прибавил частицу «Де»: Ч. де Габриак.

Впоследствии «Ч.» было раскрыто. Лиля и Макс долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на Ч., пока наконец Лиля не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины. Чтобы окончательно очаровать Рара Мако, для такой светской женщины необходим был герб. И гербу было посвящено стихотворение

Наш герб

Червлёный щит в моем гербе.
И знака нет на светлом поле.
Но вверен он моей судьбе,
Последней - в роде дерзких волей...

Есть необманный путь к тому.
Кто спит в стенах Иерусалима,
Кто верен роду моему,
Кем я звана, кем я любима:

И путь безумья всех надежд,
Неотвратимый путь гордыни;
В нем - пламя огненных одежд
И скорбь отвергнутой пустыни...

Но что дано мне в щит вписать?
Дату тьмы иль розы храма?
Тубала медную печать
Или акацию Хирама?

Письмо было написано на бумаге с траурным обрезом и запечатано черным сургучом. На печати был девиз: *«Vae victis!»* *Горе побежденным!* (Лат.) Все это случайно нашлось у подруги **Лили Л. Брюлловой**.

Такие сотрудники для «Аполлона» необходимы!

Маковский в это время был болен ангиной. Он принимал сотрудников у себя дома, лежа в элегантной спальне; рядом с кроватью стоял на столике телефон.

Когда Волошин на другой день пришел к нему, Маковский был в восхищении. *«Вот видите, Максимилиан Александрович, я всегда Вам говорил, что Вы слишком мало обращаете внимания на светских женщин. Посмотрите, какие одна из них прислала мне стихи! Такие сотрудники для «Аполлона» необходимы!»*

Черубине был написан ответ на французском языке, чрезвычайно лестный для начинающего поэта, с просьбой порыться в старых тетрадах и прислать все, что она до сих пор писала.

В тот же вечер Волошин с Лилей принялись за работу, и на другой день Маковский получил целую тетрадь стихов.

В стихах Черубины Макс Волошин играл роль режиссера и цензора, подсказывал темы, выражения, давал задания, но писала только Лилия. Все вместе они сделали Черубину страстной католичкой, так как эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге.

Св. Игнатию

Твои глаза - святой Грааль.
В себя принявший скорби мира,
И облекла твою печаль
Марии белая порфира.

Ты, обагривший кровью меч.
Склонил смиренно перья шлема
Перед сияньем тонких свеч
В дверях пещеры Вифлеема.

И ты - хранишь ее один,
Безумный вождь священных ратей,
Заступник грез, святой Игнатий,
Пречистой Девы паладин!

Ты для меня, средь дольних дымов,
Любимый, младший брат Христа,
Цветок небесных серафимов
И Богоматери мечта.

Кроме того необходима была преступно-католическая любовь к Христу.

Твои руки

Эти руки со мной неотступно
Средь ночной тишины моих грез,
Как отрадно, как сладко-преступно
Обвивать их гирляндами роз.

Я целую божественных линий
На ладонях священный узор...
(Запеваает далеких Эриний
В глубине угрожающий хор)

Как люблю эти тонкие кисти
И ногтей удлинённых эмаль,
О, загар этих рук золотистей,
Чем Ливанских полудней печаль.

Эти руки, как гибкие грозди,
Все сияют в камнях дорогих.
Но оставили острые гвозди
Чуть заметные знаки на них.

Так начались стихи Черубины. На другой день Лиля позвонила Маковскому. Он был болен, скучал, ему не хотелось класть трубку, и он, вместо того, чтобы закончить разговор, сказал: *«Знаете, я умею определять судьбу и характер человека по его почерку. Хотите, я расскажу Вам все, что узнал по Вашему?»*

И он рассказал, что отец Черубины - француз из Южной Франции, мать - русская, что она воспитывалась в монастыре в Толедо и т.д. Лиле оставалось только изумляться, откуда он все это мог узнать, и таким образом она получила ряд ценных сведений из биографии Черубины, которых впоследствии и придерживались.

Если в стихах Волошин давал только идеи, а в выполнении принимал участия мало, то переписка Черубины с Маковским лежала исключительно на нем.. Рара Мако избрал его своим наперсником. По вечерам он показывал ему им же утром написанные письма и восхищался: *«Какая изумительная девушка! Я всегда умел играть женским сердцем, но теперь у меня каждый день выбита шпага из рук».*

Он прибегал к помощи Волошина и говорил: *«Вы мой Сирано»*, не подозревая, до какой степени он близок к истине, так как Макс был Сирано для обеих сторон. Рара Мако, например, говорил: *«Графиня Черубина Георгиевна (он сам возвел ее в графское достоинство) прислала мне сонет. Я должен написать сонет в ответ»*, и они вместе с ним работали над сонетом.

Маковский был очарован Черубиной: *«Если бы у меня было 40 тысяч годового дохода, я решил бы за ней ухаживать».*

А Лиля в это время жила на одиннадцать с полтиной в месяц, которые получала как преподавательница приготовительного класса. Макс с Лилей мечтали о католическом семинаристе, который молча бы появлялся, подавал бы письмо на бумаге с траурным обрезом и исчезал. Но выполнить это было невозможно.

Переписка становилась все более и более оживленной, и это было все более и более сложно. Наконец Макс с Лилей решили перейти на язык цветов. Со стихами вместо письма стали посылаться цветы. Они выбирали самое скромное и самое дешевое из того, что можно было достать в цветочных магазинах, веточку какой-нибудь травки, которую употребляли при составлении букетов, но которая, присланная отдельно, приобретала таинственное и глубокое значение.

Они были свободны в выборе, так как никто в редакции не знал языка цветов, включая Маковского, который уверял, что знает его прекрасно. В затруднительных случаях звали Волошина, и он, конечно, давал разъяснения.

Выбивание шпаги из рук

Маковский в ответ писал французские стихи. Он требовал у Черубины свидания. Лиля выходила из положения просто. Она говорила по телефону: *«Тогда-то я буду кататься на островах. Конечно, сердце Вам подскажет, и Вы узнаете меня»*. Маковский ехал на острова, узнавал ее и потом с торжеством рассказывал ей, что ее видел, что она была так-то одета, в таком-то автомобиле... Лиля смеялась и отвечала, что она никогда не ездит на автомобиле, а только на лошадях.

Или же она обещала ему быть в одной из лож бенуара на премьере балета. Он выбирал самую красивую из дам в ложах бенуара и был уверен, что это Черубина, а Лиля на другой день говорила: *«Я уверена, что Вам понравилась такая-то»*. И начинала критиковать избранную красавицу. Все это Маковский воспринимал как *«выбивание шаги из рук»*.

Черубина по воскресеньям посещала костел. Она исповедывалась у отца Бенедикта. Вот стихотворения, посвященные ему и исповеди:

Исповедь

В быстро сдернутых перчатках
Сохранился отпечаток рук.
Черный креп в негибких складках
Очертил на плитах круг.

В тихой мгле исповедален
Робкий шопот, чья-то речь.
Строгий профиль мой печален
От лучей дрожащих свеч.

Я смотрю игру мерцаний
По чекану темных бронз
И не слышу увещаний,
Что мне шепчет старый ксендз.

Поправляя гребень в косах.
Я слежу мои мечты,-
Все грехи в его вопросах
Так наивны и просты.

Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха,-
Но так сладостно сознанье
Первородного греха...

Легенда о Черубине распространилась по Петербургу с молниеносной быстротой. Все поэты были в нее влюблены. Самым удобным для Волошина и Лили было то, что вести о Черубине шли только от влюбленного в нее Рара Мако. Правда, были подозрения в мистификации, но подозревали самого Маковского.

Двум поэтам удалось сделать необыкновенную вещь - создать человеку такую женщину, которая была воплощением его идеала и которая в то же время не могла его разочаровать впоследствии, так как эта женщина была призраком.

Как только Маковский выздоровел, он послал Черубине на вымышленный адрес (это был адрес сестры Л. Брюлловой, подруги Лили) огромный букет белых роз и орхидей. Волошин с Лилей решили это пресечь, так как такие траты серьезно угрожали гонорарам

сотрудников «Аполлона», на которые они очень рассчитывали. Поэтому на другой день Маковскому были посланы стихи «*Цветы*» и письмо.

Цветы живут в людских сердцах;
Читаю тайно в их страницах
О ненамеченных границах,
О нерасцветших лепестках.

Я знаю души, как лаванда,
Я знаю девушек мимоз.
Я знаю, как из чайных роз
В душе сплетается гирлянда.

В ветвях лаврового куста
Я вижу прорезь черных крылий,
Я знаю чаши чистых лилий
И их греховные уста.

Люблю в наивных медуницах
Немую скорбь умерших фей.
И лик бесстыдных орхидей
Я ненавижу в светских лицах.

Акаций белые слова
Даны ушедшим и забытым.
А у меня, по старым плитам,
В душе растет разрыв-трава.

Когда следующим утром Волошин пришел к Рара Мако, то застал его в несколько встревоженном состоянии. Он в волнении вытирал платком темя, как делают в трагических местах французские актеры, и говорил: «*Я послал, не посоветовавшись с Вами, цветов Черубине Георгиевне и теперь наказан. Посмотрите, какое она прислала мне письмо!*»

Письмо гласило, приблизительно, следующее: «*Дорогой Сергей Константинович! (Переписка приняла уже довольно интимный характер.) Когда я получила Ваш букет, я могла поставить его только в прихожей, так как была чрезвычайно удивлена, что Вы решаетесь задавать мне такие вопросы. Очевидно, Вы совсем не умеете обращаться с нечетными числами и не знаете языка цветов.*»

- *Но право же, я совсем не помню, сколько там было цветов. Я не понимаю, в чем моя вина!* - восклицал Маковский.

Письмо на это и было рассчитано.....

Париж, пострижение в монахини, воспаление легких и прочие выдумки

Перед Пасхой Черубина решила поехать на две недели в Париж, заказать себе шляпку, как она сказала Маковскому, но из намеков было ясно, что она должна увидаться там со своими духовными руководителями, так как собирается идти в монастырь.

Она как-то сказала, что, может быть, выйдет замуж за одного еврея. Из этих слов Рара Мако заключил, что она будет Христовой невестой. Уезжая, Черубина взяла слово с Маковского, что он на вокзал не поедет. Тот сдержал слово, но стал умолять своих друзей пойти вместо него, чтобы увидеть Черубину, хотя бы чужими глазами. Просил Толстого, но тот с ужасом отказался, так как чувствовал какой-то подвох и боялся в него впутаться.

Наконец, Маковский уговорил поехать Трубникова, Трубников на вокзале был, Черубины ему увидеть не удалось, но она, очевидно, его видела, так как записала в путевой дневник, который обещала Маковскому вести, что она ожидала увидеть на вокзале переодетого Рара Мако с накладной бородкой, но вместо него увидела присланного Друга, которого она узнала по изящному костюму. Следовало подробное описание Трубникова. Маковский был восхищен: *«Какая наблюдательность! Ведь тут весь Трубников, а она видела его всего раз на вокзале»*.

В Париже Черубина остановилась в специальном католическом квартале, в отеле возле Saint Sulpice. Она прислала несколько описаний квартала, описала несколько встреч. (Прим.: Эта часть - ее дневники - выпадает из истории, так как погибла при обыске. Остались только стихи).

В отсутствие Черубины Маковский так страдал, что **Иннокентий Федорович Анненский** говорил ему: *«Сергей Константинович, да нельзя же так мучиться. Ну, поезжайте за ней. Истратьте сто, - ну, двести рублей, оставьте редакцию на меня... Отыщите ее в Париже»*.

Однако Сергей Константинович не поехал, что лишило историю Черубины небезынтесной страницы. Для его излишней была оставлена родственница Черубины, княгиня Дарья Владимировна (Лида Брюллова). Она разговаривала с Маковским по телефону и подготавливала его к мысли о пострижении Черубины в монастырь.

Потом Черубина «вернулась». В тот же вечер к ней, якобы, пришел ее исповедник, отец Бенедикт. Всю ночь она молилась. На следующее утро ее нашли как будто бы без сознания, в бреду, лежащей в коридоре, на каменном полу, возле своей комнаты. Она заболела воспалением легких.

Кризис болезни намеренно совпал с заседаниями Поэтической Академии в Обществе ревнителей русского стиха, так как там могла присутствовать Лиля и могла сама увидеть, какое впечатление произведет на Маковского известие о смертельной опасности.

Ему ежедневно по телефону звонил старый дворецкий Черубины и сообщал о ее здоровье. Кризис ожидался как раз в тот день, когда должно было происходить одно из самых парадных заседаний. Среди торжественного чтения, когда Вячеслав Иванов делал доклад, Маковского позвали к телефону. Иннокентий Федорович пожал ему под столом руку и шепнул несколько ободряющих слов. Через несколько минут Маковский вернулся с опрокинутым и радостным лицом: *«Она будет жить!»*

Все это происходило в двух шагах от Лили. Как-то Лиля спросила Волошина: *«Что, моя мать умерла или нет? Я совсем забыла, и недавно, говоря с Маковским по телефону, сказала: «Моя покойная мать» - и боялась ошибиться...»*

А Маковский мне рассказывал: *«Какая изумительная девушка! Я прекрасно знаю, что мать ее жива и живет в Петербурге, но она отвергла мать и считает ее умершей с тех пор, как та изменила когда-то мужу, и недавно так и сказала мне: «Моя покойная мать»»*.

Постепенно у Максимилиана и Лили накопилась целая масса мифических личностей, которые доставляли им много хлопот. Так, например, они придумали на свое горе кузена Черубине, к которому Рара Мако страшно ревновал. Кузен был португальцем, атташе при посольстве и носил такое странное имя, что надо было быть сильно влюбленным, как Маковский, чтобы не обратить внимание на его невозможность. Его звали дон Гарпия ди Мантилья. За этим доном Гарпией была однажды организована целая охота, и ему удалось ускользнуть только благодаря тому, что его вообще не существовало.

Однажды в редакции была организована выставка женских портретов, и Черубина получила пригласительный билет. Однако сама она не пошла, а послала кузена. Маковский придумал очень хороший план, чтобы уловить дону Гарпию. В прихожей были положены листы, где все посетители должны были расписываться, а сотрудники сидели в

прихожей и следили, когда «он» распишется. Однако каким-то образом дону Гарпии удалось пройти незамеченным, он «посетил» выставку и обо всем «рассказал» Черубине.

В поисках призрака

В высших сферах редакции была учреждена слежка за Черубиной. Маковский и Врангель стали действовать подкупом. Они произвели опрос всех дач на Каменноостровском.

В конце концов Маковский сказал Волошину: *«Знаете, мы нашли Черубину. Она - внучка графини Нирод. Сейчас графиня уехала за границу, и поэтому она может позволять себе такие эскапады. Тот старый дворецкий, который, помните, звонил мне по телефону во время болезни Черубины Георгиевны, был здесь у меня в кабинете. Мы с бароном дали ему 25 рублей, и он все рассказал. У старухи две внучки. Одна с ней за границей, а вторая - Черубина. Только он назвал ее каким-то другим именем, но сказал, что ее называют еще и по-иному, но он забыл как. А когда мы спросили, не Черубиной ли, он вспомнил, что действительно Черубиной».*

Лиля, которая всегда боялась призраков, была в ужасе. Ей все казалось, что она должна встретить живую Черубину, которая спросит у нее ответа. Вот два ее стихотворения, которые тогда, конечно, не были поняты Маковским. Одни - Лили о Черубине, второе - Черубины о Лиле.

В слепые ночи новолунья
Глухой тревогою полна,
Завороженная колдунья,
Стою у темного окна.

Стеклом удвоенные свечи
И предо мною и за мной,
И облик комнаты иной
Грозит возможностями встречи.

В темно-зеленых зеркалах
Обледенелых ветхих окон
Не мой, а чей-то бледный локон
Чуть отражен, и смутный страх

Мне сердце алой нитью вяжет.
Что, если дальняя гроза
В стекле мне близкий лик покажет
И отразит ее глаза?

Что, если я сейчас увижу
Углы опущенные рта,
И предо мною встанет та,
Кого так сладко ненавижу?

Но окон темная вода
В своей безгласности застыла,
И с той, что душу истомила,
Не повстречаюсь никогда.

Двойник

Есть на дне геральдических снов
Перерывы сверкающей ткани:
В глубине амфилад и дворцов
На последней, таинственной грани
Повторяется сон между снов.

В нем все смутно, но с жизнью схоже...
Вижу девушки бледной лицо,
Как мое, но иное и то же,
И мое на мизинце кольцо.
Это - я, и все так не похоже.

Никогда среди грязных дворов.
Среди улиц глухого квартала.
Переулков и пыльных садов -
Никогда я еще не бывала
В низких комнатах старых домов.

Но Она от томительных будней,
От слепых паутин вечеров -
Хочет только заснуть непробудней,
Чтоб уйти от неверных оков,
Горьких грез
И томительных будней.

Я так знаю черты ее рун,
И, во время моих новолуний,
Обнимающий сердце испуг,
И походку крылатых вещуний.
И речей ее вкрадчивый звук.

И мое на устах ее имя,
Обо мне ее скорбь и мечты,
И с печальной каймою листы.
Что она называет своими,
Затаили мои же мечты.

И мой дух ее мукой волнуем...
Если б встретить ее наяву
И сказать ей: «Мы обе тоскуем,
Как и ты, я вне жизни живу» -
И обжечь ей глаза поцелуем.

Конец сказки

С этого момента история Черубины начинает приближаться к концу. Прямое развитие темы делает крутой и неожиданный поворот. Макс с Лилей стали замечать, что кто-то другой, кроме них, вмешивается в историю Черубины. Маковский начал получать от имени Черубины какие-то письма, написанные не ими. И они решили оборвать.

Вячеслав Иванов, вероятно, подозревал, что Волошин - автор Черубины, так как говорил ему: *«Я очень ценю стихи Черубины. Они талантливо. Но если это - мистификация, то гениально»*. Он рассчитывал на то, что «ворона каркнет». Однако Волошин не каркнул, хотя А. Н. Толстой давно говорил ему: *«Брось, Макс, это добром не кончится»*.

Черубина написала Маковскому последнее стихотворение. В нем были строки:

Милый друг, Вы приподняли
Только край моей вуали...

Поэт М. Кузмин, проникший в тайну, сообщил Маковскому номер телефона «незнакомки», которая оказалась не кем иной, как... **Елизаветой Ивановной Дмитриевой**. Маковский вначале не поверил Кузмину, но позвонил - и ему ответил тот единственный для него «волшебный» голос. Стоном вырвалось у нее: *«Вы? Кто вам сказал?»*

И тогда Маковский прозаически пригласил «на чашку чая» поэтессу Дмитриеву. Он еще надеялся на то, что в ее облике есть черты пленительной испанки. Но в комнату вошла невысокая полная темноволосая и прихрамывающая женщина, показавшаяся ему некрасивой. Сказка Черубины кончилась.

Маковскому во время этой встречи запомнилась взволнованная, сбивчивая речь Елизаветы Дмитриевой: *«Сегодня, с минуты, когда я услышала от вас, что все открылось, с этой минуты я навсегда потеряла себя: умерла та единственная, выдуманная мною «я», которая позволяла мне в течение нескольких месяцев чувствовать себя женщиной, жить полной жизнью творчества, любви, счастья. Похоронив Черубину, я похоронила себя...»*

Когда Черубина разоблачила себя, Маковский поехал к Елизавете с визитом и стал уверять, что он уже обо всем давно знал: *«Я хотел дать Вам возможность дописать до конца Вашу красивую поэму»*.

Он подозревал Волошина в сообщничестве с Лилей и однажды спросил его об этом, но тот, честно глядя ему в глаза, отрекся от всего. Его отречение Маковский встретил с молчаливой благодарностью.

Дуэль у Черной речки

Неожиданной во всей этой истории явилась дуэль Волошина и Гумилева. Николай Гумилев знал Лилю давно и давно уже предлагал ей помочь напечатать ее стихи, однако о Черубине он не подозревал истины. За год до этого, в 1909 году, летом, будучи в Коктебеле вместе с Лилей, он делал ей предложение.

В то время, когда Лиля разоблачила себя, в редакционных кругах стали расти сплетни. Обычно она бывала в редакции одна. Жених ее, Воля Васильев, быть с ней рядом не мог, он отбывал воинскую повинность. Никого из мужчин в редакции она не знала.

Одному немецкому поэту, Ганцу Гюнтеру, который забавлялся оккультизмом, удалось завладеть доверием Лили. Она была в то время в очень нервном, возбужденном состоянии. Очевидно, Гюнтер добился от нее каких-то признаний. Он стал рассказывать, что Гумилев говорит о том, как у них с Лилей в Коктебеле был большой роман. Все это в грубых выражениях. Гюнтер даже устроил Лиле «очную ставку» с Гумилевым, которому она вынуждена была сказать, что он лжет. Гюнтер же был с Гумилевым на «ты» и, очевидно, на его стороне.

Волошин почувствовал себя ответственным за все это и с разрешения Воли, который был вольноопределяющимся, в нижнем чине, после совета с Леманом, одним из их общих с Лилей друзей, через два дня стрелялся с Гумилевым.

Волошин и Гумилев встретились в мастерской Головина в Мариинском театре во

время представления «Фауста». Головин в это время писал портреты поэтов, сотрудников «Аполлона». В этот вечер Макс ему позировал. В мастерской было много народу, и в том числе присутствовал Гумилев. Волошин решил дать ему пощечину по всем правилам дуэльного искусства. Так, как Гумилев, большой специалист, сам учил его в предыдущем году, - сильно, кратко и неожиданно.

В огромной мастерской на полу были разостланы декорации к «Орфею». Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце зала. Шаляпин внизу запел «Заклинание цветов». Когда он закончил петь, Волошин подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент он сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос Иннокентия Федоровича: *«Достоевский прав, звук пощечины, действительно, мокрый»*.

Гумилев отшатнулся от него и сказал: *«Ты мне за это ответишь»* (они с ним до этого эпизода не были на «ты»). Волошину хотелось сказать: *«Николай Степанович, это не брудершафт»*. Но тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у него внезапно вырвался вопрос: *«Вы поняли?»* (То есть, поняли ли за что?) Он ответил: *«Понял»*.

На другой день рано утром они стрелялись за Новой Деревней возле Черной речки, если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то, во всяком случае, современной ему. Была мокрая, грязная весна, и секунданту Волошина Шервашидзе пришлось очень плохо, отмеривая к ним 15 шагов по кочкам. Гумилев промахнулся, у Волошина пистолет дал осечку. Гумилев предложил противнику стрелять еще раз. Волошин выстрелил, боясь попасть. Он плохо стрелял, не попал, и на этом их дуэль закончилась. Секунданты предложили дуэлянтам подать друг другу руки, но оба отказались.

После этого Волошин встретился с Гумилевым только один раз, случайно, в Крыму, за несколько месяцев до смерти Гумилева. Их представили друг другу, не зная, что они знакомы: оба подали друг другу руки, но разговаривали недолго: Гумилев торопился уходить.

Да и кто помнит меня?

«Я мало могу сказать о своем отношении к современному литературному Петербургу, - писала Елизавета Дмитриева в автобиографии, - я ведь схимница и келья моя закрыта для всех... «Черубина» - это призрак, живущий для немногих призрачной жизнью.

В самой себе я теперь гораздо ближе к православию, дорожке всего для меня Флоренский... В нашей старине я очень, очень люблю русское, и все в себе таким чувствую, несмотря на то, что от Запада так много брала, несмотря на то, что я - Черубина. Я стану Елисаветой».

Я - в истомляющей ссылке,
В этих проклятых стенах.
Синие, нежные жилки
Бьются на бледных руках.

Перебираю я четки;
Сердце - как горький миндаль.
За переплетом решетки
Дымчатый плачет хрусталь.

Даже Ронсара сонеты
Не разомкнули мне грусть.

Все, что сказали поэты,
Знаю давно наизусть.

Тьмы не отгонишь печальной
Знаком святого Креста.
А у принцессы опальной
Отняли даже шута.

Между Черубиной 1909-1910 гг. и ею же с 1915 г. и дальше, по словам Елизаветы Дмитриевой, - лежит очень резкая грань.

«Даже не знаю, - пишет она в «Исповеди», - одна она и та же или уже та умерла. Но не бросаю этого имени, потому что чувствую еще в душе преемственность и, не принимая ни прежней, ни настоящей Черубины, взыскую грядущей. Я еще даже не знаю, поэт я или нет. Может быть, мне и не дано будет узнать это.

Теперь от мира я иду в неведомую тишину и не знаю, приду ли. И странно, когда меня называют по имени... И я знаю, что я уже давно умерла, - все вы любите умершую Черубину, которая хотела все воплотить в лике... и умерла. А теперь другая Черубина, еще не воскресшая, еще немая...

Не убьет ли эта теперешняя, которая знает, что колдунья, чтобы не погибнуть на костре, должна стать святой, - не убьет ли она облик девушки из Атлантиды, которая все могла и ничего не сумела? Не убьет ли?

Сейчас мне больно от людей, от их чувств и, главное, от громкого голоса. Душа уже надела схи́му. 1927»

Черубина для меня никогда не была игрой

Ослепительный и короткий век Черубины де Габриак закончился. Но продолжалась жизнь ее автора. В 1911 г. Елизавета Ивановна вышла замуж за инженера Васильева и стала носить его фамилию. Но образ Черубины навсегда остался с ней.

12 июля 1922 г. она писала Волошину: *«Я иногда стала думать, что я - поэт. Говорят, что надо издавать книгу. Если это будет, я останусь «Черубиной», потому что меня так все приемлют и потому что все же корни мои в «Черубине» глубже, чем я думала».*

И в то же время ее одолевали сомнения. Уже через год, в 1923 году, она писала тому же Волошину: *«Я, конечно, не поэт. Стихов своих издавать я не буду и постараюсь ничего не печатать под именем Черубины»*

Отсчет опять идет от Черубины. Несомненно то, что в новой, советской действительности Черубина не смогла бы возродиться. И Елизавета Ивановна сумела найти свою дорогу. В начале 20-х гг. она оказалась в Екатеринодаре, где познакомилась с **С. Я. Маршаком**. Там они задумали (и осуществили) создание *«Детского городка»*, где имелись различные мастерские, библиотека, детский театр. Вместе с Маршаком и отдельно она писала пьесы для детских театров страны. Они вошли в сборник *«Театр для детей»*, выдержавший в 20-е гг. четыре издания. Писала она и прозу, в 1926 году вышла ее книжка о Миклухо-Маклае *«Человек с Луны»*. Переводила с испанского и старофранцузского.

Когда Маршак уехал в Петроград, он вызвал туда и Елизавету Ивановну, и какое-то время она работала там вместе с ним в ТЮЗе. Встреча с Петербургом - городом Черубины - была не столько радостной, сколько горькой:

Под травой уснула мостовая,
Над Невой разрушенный гранит...
Я вернулась, я пришла живая,

Только поздно - город мой убит.

Надругались, очи ослепили,
Чтоб не видеть солнца и небес,
И лежит замученный в могиле...
Я молилась, чтобы он воскрес.

Чтобы все убитые воскресли,
Бог Господь, Отец бесплотных сил,
Ты караешь грешников, но если б
Ты мой город мертвый воскресил.
(«Петербургу», 1922)

Городу на Неве посвящены также пронзительные строки других стихотворений, например: *«Там ветер сквозной и колючий...»*(1921), *«Все то, что так много лет любила...»* (1922).

Вскоре на долю Елизаветы Ивановны выпали тяжелые испытания: в вину ей прежде всего ставили приверженность антропософии. До революции по делам «Антропософского общества» она на самом деле ездила в Германию, Швейцарию, Финляндию.

Начиная с 1921 г. у нее дома производили обыски, затем последовали вызовы в ГПУ, и, наконец, ее по этапу отправили в ссылку.

В последнем письме к Волошину в январе 1928 г. она писала из Ташкента: *«...так бы хотела к тебе весной, но это сложно очень, ведь я регистрируюсь в ГПУ и вообще на учете. Очень, очень томлюсь... Следующий раз пошлю стихи... Тебя всегда ношу в сердце и так бы хотела увидеть еще раз в этой жизни».*

Однако этой мечте не суждено было осуществиться. Но поэзия не покинула ее до конца дней - в последний год жизни она написала цикл небольших, прозрачных по стилю, стихотворений *«Домик под грушевым деревом»* - от лица вымышленного поэта Ли Сян Цзы. Это была последняя, прощальная мистификация Черубины:

Мхом ступени мои поросли,
И тоскливо кричит обезьяна;
Тот, кто был из моей земли,-
Он покинул меня слишком рано.

След горячий его каравана
Заметен золотым песком.
Он уехал туда, где мой дом.
(«Разлука с другом». 1927)

Е. И. Васильева мечтала вернуться в город, где она родилась и где такой блестящей кометой прочертила путь на литературном петербургском горизонте ее Черубина.

Прислушайся к ночному сновиденью,
не пропусти упавшую звезду...
По улицам моим Невидимую Тенью
я за тобой пройду...

Ты посмотри (я так томлюсь в пустыне
вдали от милых мест...):
вода в Неве еще осталась синей?

У Ангела из рук еще не снят крест?

Менее чем за полгода до смерти ею было написано стихотворение «*Петербург*»

...Фальшиво на дворе моем
Поет усталая шарманка,
Гадает нищая цыганка...
Зачем, о чем?

О том, что счастье - ясный сокол -
Не постучится в нашу дверь,
О том, что нам не ведать срока
Глухих потерь...

Из-под лохмотьев шали пестрой -
Очей негаснувший костер.
Ведь мы с тобой, пожалуй, сестры...
И я колдунья с давних пор.

Чужим, немилым я колдую.
Всю ночь, с заката до утра, -
Кто корку мне подаст сухую,
Кто даст кружочек серебра.

Но разве можно коркой хлеба
Насытить жадные уста?
Не голод душит - давит небо,
Там - пустота.

Черубина де Габриак скончалась от рака печени в ташкентской больнице, не дожив до конца ссылки. Она была похоронена на Боткинском кладбище в Ташкенте. В настоящее время местоположение могилы Елизаветы Дмитриевой неизвестно.

Литература:

1. **Агеева Л. И.** Неразгаданная Черубина: Документальное повествование. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. - 404 с.
2. **Васильева Е.** Стихотворения// Возвращение. Вып.1. -М.: Советский писатель, 1991. - Стр.179-188.
3. **Васильева Е.** Стихотворения /Ред. Т. Н. Жуковской, Е. А. Калло. - М., 1999. - Стр. 461-554.
4. **Габриак Черубина де.** Исповедь. / Сост. Купченко В. П., Ланда М. С., Репина И. А. - М.: Аграф,1999.- 384 с. (издание включает стихи, переводы, пьесы, автобиографические и мемуарные материалы)
5. **Глоцер В.** Елизавета Васильева: Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» // Новый мир. - 1988.- № 12. - Стр. 168 –170.
6. **Грякалова Н. Ю.** Стихотворения Е. И. Васильевой, посвященные Ю. К. Щуцкому // Русская литература. - 1988. - 4. - Стр. 200 - 205.
7. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908-1928 годов. Письма Б.А.Лемана к М.А.Волошину/ Сост., подг. текстов, примеч. Владимира Купченко и Розы Хрулевой. - Феодосия, М.: Изд. дом «Коктебель», 2009.

8. **Калло Е.** Четыре имени в русской поэзии. В кн.: «Sub rosa»: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьёва, Черубина де Габриак / Сост., коммент. Т. Н. Жуковской, Е. А. Калло. - М., Эллис Лак, 1999. - 768 с.
9. **Муравьев Н.** Майя. - М.: «Захаров», 2005. - 272 с.
10. **Интернет:** Википедия (электронная энциклопедия), сайты «Век перевода», «Мир Марины Цветаевой», «Николай Гумилёв».